

# Как упаковать жизненный мир в черный ящик: инструкция по сборке

АЛЕКСЕЙ САЛИН

Тьютор, кафедра философии естественных факультетов, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ). Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4. E-mail: alexsalin22@gmail.com.

*Ключевые слова:* жизненный мир; «черный ящик»; коммуникация; феноменология; исследования науки и технологий; акторно-сетевая теория.

Статья посвящена детрансцендентализации феноменологического концепта жизненного мира, который обозначает базовое, дотеоретическое, интерсубъективное знание. Прежде всего ставится задача построения такой концепции, в которой влияние материального фона на формирование жизненного мира признавалось бы решающим. Критическое рассмотрение феноменологии Дона Айди показало, что метод феноменологической рефлексии не позволяет ухватить влияние технологий на формирование жизненного мира, ограничиваясь лишь конечными моментами этого формирования. Отсюда следует необходимость использовать инструментарий исследований науки и технологий (STS) для детрансцендентализации концепта жизненного мира. При этом детрансцендентализации подвергается концепт жизненного мира, представленный в трудах Юргена Хабермаса, поскольку эта его версия в наибольшей степени удовлетворяет методологическим требованиям STS и в наименьшей — отягощена наследием феноменологии. Тем не менее

и в хабермасовской концепции жизненного мира обнаруживаются трансценденталистские предпосылки, связанные с различием целеориентированных действий, с одной стороны, и коммуникативных и стратегических действий — с другой. Это различие перестраивается с помощью использования методологического инструментария акторно-сетевой теории (АСТ). Сначала выявляется схожесть понятия черных ящиков из АСТ с понятием жизненного мира у Юргена Хабермаса. Следующим шагом выстраивается концепция формирования жизненного мира, соответствующая методологическим требованиям АСТ. Ключевым понятием оказывается понятие переговоров, обозначающее в АСТ процесс построения черного ящика через склонение одним актором на свою сторону множества других акторов неопределенной природы. В результате выстраивается новая теория коммуникации и жизненного мира, свободная от трансценденталистских предпосылок, подрывавших изнутри всякую концепцию жизненного мира — от гуссерлевской до хабермасовской.

## Введение

**В** КУЛЬТУРЕ средневековой Европы горы редко представляли образцом красоты и предметом эстетического наслаждения. Чаще они изображались как место дикое и опасное, непригодное для прогулок. В этом они оказываются сходны с непроходимым черным лесом. Например, в самом начале «Божественной комедии» Данте оказывается сначала «в сумрачном лесу», из которого поднимается на «крутой косогор», где он встречает опасных чудовищ — рысь, льва и волчицу, — отступая от которых он и спускается в долину, где его встречает Вергилий<sup>1</sup>. В средневековых сказках и балладах горы постоянно оказываются местом обитания злых великанов и троллей. Например, в «Храбром портном», сказке, записанной и изданной братьями Гримм, горы оказываются местом обитания великана, ставшего первой действительной опасностью для главного героя<sup>2</sup>.

Тем не менее сами братья Гримм жили уже в другое время. Начало XIX века стало эпохой романтизма, когда горы и горные путешествия все более эстетизировались. Постепенно распространялся горный туризм, походы в горы стали неотъемлемой частью европейской культуры, особенно немецкой. Что стояло за этим изменением роли гор? Многие исследователи сходятся в том, что оно было вызвано волной индустриализации, охватившей тогда Европу и сделавшей «дикость» гор столь привлекательной для человека, большую часть жизни проводящего в задымленных городах. До тех пор это свойство не воспринималось европейцем как эстетическая ценность<sup>3</sup>. Дон Айди, американский феноменолог, исследующий влияние новых технологий на восприятие окружающего нас мира, отмечает:

1. Данте Алигьери. Божественная комедия // Божественная комедия. Новая жизнь. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2016. С. 43–44.
2. Гримм Я., Гримм В. К. Храбрый портной // Сказки зарубежных писателей. М.: Правда, 1986. С. 157.
3. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: НЛЮ, 2012. С. 80–81.

Сходным образом в Японии «японские Альпы» считались обителью зловещих демонов, пока европейские путешественники не начали исследовать их и спускаться с них на лыжах; теперь они стали основой развитой горнолыжной индустрии Японии. Скалолаз, ощущая опасность своего дела, тем не менее идет на риск, поскольку немногие вершины сегодня остаются за пределами возможностей альпинистских технологий. Можно отметить, что сегодня наше восприятие гор еще более технологически текстурируется тем, что они часто «покоряются» дорогами, поездами и особенно авиаперелетами. Сам опыт гор видоизменился<sup>4</sup>.

Отсюда Айди делает вывод, что технологические изменения приводят к преображению как нашего непосредственного опыта (микроперцепций), так и нашего культурно опосредованного опыта (макроперцепций). С появлением новых технологий горы воспринимаются людьми с более близкого, чем раньше, расстояния, альпинисты трогают их, с появлением самолета люди понимают, как выглядят горы сверху, — так изменяются микроперцепции гор. В культуре XIX века значение гор значительно изменилось, они стали местом паломничества и предметом эстетического наслаждения — так меняются их макроперцепции<sup>5</sup>. Появление новых микроперцепций и макроперцепций в связи с развитием технологий и приводит, по Айди, к изменениям в структуре жизненного мира, то есть того дотеоретического intersubjectивного предзнания о мире, которое может эксплицироваться и проявляться в теоретических изысканиях, художественном творчестве, языке и коммуникации людей.

Однако может ли используемый Айди метод феноменологической рефлексии показать, как именно возникновение новых технологий приводит к появлению intersubjectивно разделяемых микро- и макроперцепций? Феноменологический анализ жизненного мира всегда предполагает взгляд от первого лица: по Гуссерлю, экспликация жизненного мира может происходить лишь через редукцию к примордиальной сфере собственного опыта и через апперцепцию у Другого такого же трансцендентального сознания<sup>6</sup>; понимающая социология Альфреда Шюца также связывала жизненный мир с субъективно значимой системой релевант-

4. *Ihde D. Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1990. P. 12.

5. *Ibid.* P. 29–30.

6. *Гуссерль Э. Картезианские медитации*. М.: Академический проект, 2010. С. 144–174.

ностей, характерной для определенного социального типа, выявление которой требовалось для понимания субъективного смысла действий агента<sup>7</sup>. Да, феноменологическая рефлексия Айди убедительно показывает, что роль гор в жизненном мире человека до и после индустриальной революции значительно различается. Но что происходит *между* этими двумя моментами? Как технологии проникают внутрь жизненного мира и текстурируют его? Может ли феноменологическая рефлексия проанализировать это технологическое *событие*, если использовать этот столь любимый самими феноменологами термин?

Чтобы ответить на эти вопросы, я обращусь к другому примеру, используемому Доном Айди, — примеру телескопа<sup>8</sup>. Он утверждает, что появление телескопа изменило жизненный мир европейца. Анализируя опыт Галилея, который впервые с его помощью увидел спутники Юпитера, горы на Луне, несметное количество новых звезд и зафиксировал фазы Венеры, Айди заявляет, что этот момент стал решающим для значительного изменения и расширения жизненного мира европейского человека, который смог воочию убедиться, что Вселенная гораздо шире, чем кажется, сферы неподвижных звезд не существует и мир сильно отличается от его изображения в аристотелевской «Физике». И главное, с тех пор в европейской культуре возникает новое представление о науке как об экспериментальных и технологически опосредованных исследованиях, в которых отправным пунктом служат интересующие доступные показания приборов, а не стройные дедуктивные построения<sup>9</sup>.

Но достаточно ли самого опыта Галилея для возникновения нового жизненного мира? Неужели его опыта созерцания бескрайних просторов Вселенной было достаточно для того, чтобы все остальные европейцы тоже начали их созерцать? Многие исследования на эту тему<sup>10</sup> и тексты самого Галилея<sup>11</sup> свидетельствуют о том, что его наблюдения были далеко не так показательны

7. Шюц А. Феноменология и социальные науки // Избр.: Мир, светящийся смыслом. М.: Росспэн, 2004. С. 196–199.

8. Любовь к этому примеру, похоже, является отличительной чертой феноменологии науки и техники (Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004).

9. Ihde D. Op. cit. P. 55–56.

10. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007.

11. Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира: птоломеевой и коперниковой. М.; Л.: Гостехиздат, 1948.

для других ученых того времени. Как свидетельствуют эмпирические исследования науки и технологий (STS), показания приборов и их феноменологическое ясное усмотрение сами по себе ничего не могут значить<sup>12</sup>. Факт должен быть принят социально, чтобы быть фактом, а для исследования этого процесса социализации недостаточно исследования опыта от первого лица, предлагаемого феноменологией Дона Айди. Использование технических приборов в науке стало элементом жизненного мира не потому, что все ученые просто посмотрели в телескоп Галилея и убедились в том, что он показывает Вселенную как она есть. Возникновение экспериментальной, технологически оснащенной науки — процесс долгий, занявший не один год, а почти весь XVII век, в ходе которого ученые и политики вели активные споры о том, могут ли машины использоваться для установления истины<sup>13</sup>.

Так что гораздо большее значение для истории науки имел не опыт Галилея, а прения и споры, которые единственно могли привести к решению о том, можно ли доверять опыту такого типа. Это в равной степени касается и технологий в целом: чтобы технология стала рабочей, ей приходится пройти массу преобразований, при которых и определяется, что для нее значит быть рабочей<sup>14</sup>. Наши субъективные ощущения удобства технологий — лишь отдельные моменты в этом процессе, которые сами по себе значат довольно мало. Решающим оказывается социальное принятие научных высказываний и технологий на практике. Именно анализ социальных процессов, в ходе которых научный факт или технология становятся intersubjectively приемлемыми элементами практики, может позволить ответить на вопрос о генезисе и трансформациях жизненного мира, но анализ этот не может быть осуществлен в рамках феноменологической рефлексии.

Ценность и плодотворность STS в связи с этим как раз и заключаются в том, что в них для проведения данного анализа используются методы, сложившиеся в поле теории практик<sup>15</sup>. Это означает, что использование инструментария STS может способствовать построению такой концепции жизненного мира, которая

12. Collins H. M. The Seven Sexes: A Study in the Sociology of a Phenomenon, or the Replication of Experiments in Physics// Sociology. 1975. Vol. 9. № 2. P. 205–224.

13. Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-pump: Hobbes, Boyle and the Experimental Life. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985.

14. Bijker W. E. Of Bicycles, Bake Lites, and Bulbs: Toward a Theory of Sociotechnical Change. Cambridge, MA; L.: The MIT Press, 1995.

15. Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб.: ЕУСПб, 2008.

будет учитывать его формирование в ходе социальных практик, закрепляющих знание о научных фактах или технологических артефактах как intersubjectively разделяемое и достоверное<sup>16</sup>. Такая концепция должна распрощаться с феноменологическим требованием редукции знания к его основам в сфере субъективности и базироваться на перформативном и анонимном характере знания, то есть связать знание с непроблематизируемыми предпосылками агентов, участвующих в социальных практиках. Целью данной статьи является создание оснований для такой концепции жизненного мира, которая удовлетворяла бы этим требованиям.

Однако не запоздала ли данная цель? Не является ли в этом отношении концепция Юргена Хабермаса избыточной? Ведь трансформация концепта жизненного мира, которую осуществляет в своих работах Хабермас, как раз основана на отказе от редукции знания к субъективности и использовании теории непроблематизируемого достоверного знания позднего Витгенштейна<sup>17</sup>, которая была одним из источников вдохновения и для STS<sup>18</sup>. Хабермас, выстраивая свое учение о жизненном мире, утверждает, что он является совокупностью социально принимаемого и перформативно разделяемого на практике и в коммуникации знания<sup>19</sup>. Так не будет ли достаточно его концепции, чтобы убедительно показать роль новых технологий и научных исследований в трансформациях жизненного мира? В следующем разделе статьи я проведу критический анализ хабермасовской концепции жизненного мира, который позволит выяснить, является ли она непротиворечивой и позволяет ли в полной мере осветить трансформации жизненного мира в связи с научно-технологическими изменениями, чтобы затем предложить основания для своей собственной концепции жизненного мира и его генезиса.

16. К подобному использованию инструментария STS для решения философских проблем, связанных с жизненным миром, стремится, например, Ольга Столярова (Столярова О. Жизненный мир и базовые онтологические допущения: проблема генезиса // *Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира*. М.: Дело, 2012).
17. Витгенштейн Л. О достоверности // *Философские работы*. Ч. I. М.: Гнозис, 1994; Он же. Философские исследования // *Философские работы*. Ч. I.
18. Bloor D. Wittgenstein: A Social Theory of Knowledge. L.: Macmillan, 1983; Блур Д. Витгенштейн как консервативный мыслитель // *Логос*. 2002. Т. 12. № 5/6. С. 47–64.
19. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. М.: Идея-Пресс, 2011. С. 77–79.

## Хабермас: триумф трансцендентализма

Зачем вообще Хабермасу потребовался концепт жизненного мира? Каковы были его ставки? Вводя в свою философию этот концепт, Хабермас стремится совершить переход к постметафизическому мышлению, которое, рассматривая вопросы о познании действительности, всегда должно учитывать, что в основе знания лежат базовые очевидности, возникающие из конкретных практических условий взаимодействия людей друг с другом и миром. Таким образом, для постметафизического мышления под абсолютным запретом оказывается постулирование некоего трансцендентального субъекта<sup>20</sup>. Трансформация жизненного мира, которую производит Хабермас, направлена на то, чтобы дать познающему субъекту место в мире практик, которые, собственно, и конституируют его как познающего.

Тем не менее и в хабермасовской концепции жизненного мира остается несколько предпосылок, которые не позволяют полностью детрансцендентализировать познающего субъекта. Проблема заключается прежде всего в том, как Хабермас описывает практические взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и с вещами — с другой. Для их концептуализации Хабермас вводит разделение на речевые действия и целенаправленные действия<sup>21</sup>. Речевые действия охватывают специфические языковые взаимодействия между субъектами, целенаправленные — использование людьми объектов для поддержания как своего органического существования, так и масштабных общественных систем. Среди речевых Хабермас выделяет коммуникативные действия и стратегические. В первых субъекты используют язык, чтобы в ходе аргументированных переговоров прийти к консенсусу относительно того, как следует осуществлять те или иные целенаправленные действия, вырабатывая социально приемлемые планы этих действий. Вторые действия только по форме являются речевыми, а по факту направлены на то, чтобы использовать другого человека как средство. Например, фраза «Руки вверх!» является попыткой не договориться о чем-то с другим человеком, а повлиять на его поведение в собственных целях.

Проблема здесь возникает из-за того, что человеческо-нечеловеческие взаимодействия Хабермас описывает исключительно как

20. *Habermas J. Nachmetaphysisches Denken: philosophische Aufsätze*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1992. P. 35–60.

21. *Ibid.* P. 63–75.

целенаправленные действия и никак иначе. Всякое целенаправленное действие должно протекать по плану, заранее установленному субъектами в коммуникативном действии. Именно поэтому чисто логически всякое практическое взаимодействие людей друг с другом и миром, в котором они обитают, уже предполагает существование некоторого консенсуса, достигнутого сообществом субъектов в рамках коммуникативного взаимодействия<sup>22</sup>. Именно это учение об онтологической первичности коммуникативного действия перед целенаправленным становится у Хабермаса базисом для продолжения проекта модерна, который он интерпретирует как тезис о производности субъект-объектных отношений от рационального коммуникативного действия<sup>23</sup>. В то же время он признает, что такого чистого коммуникативного сообщества в действительности никогда не могло существовать, так как реальная коммуникация всегда происходит на фоне материального мира и давления со стороны общественных систем. Поэтому онтологическое первенство коммуникации гарантируется у него в итоге тем, что для осуществления реальной коммуникации субъекты всегда должны разделять идею чистой идеальной речевой ситуации, вне зависимости от того, в каком жизненном мире они живут<sup>24</sup>. В итоге Хабермас включает в свою концепцию жизненного мира серьезную трансценденталистскую предпосылку об идее чистой речевой ситуации как необходимом компоненте любого разума<sup>25</sup>.

Чтобы спасти концепт жизненного мира от этой проблемы, необходимо пересмотреть роль нечеловеческих сущностей в практиках. Ведь именно то, что Хабермас превратил их лишь в фон или объект человеческих действий, привело его к трансцендентализму. Попытка включения нечеловеческих сущностей в формирование жизненного мира, осуществленная Доном Айди, как мы видели, провалилась из-за ограничений, наложенных на его концепцию методом феноменологической рефлексии. Поэтому для построения новой концепции жизненного мира оказывается не-

22. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. С. 160–161.

23. Он же. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003.

24. *Idem.* Wahrheitstheorien // Wirklichkeit und Reflexion. Walter Schulz zum 60. Geburtstag / H. Fahrenbach. Pfullingen: Günther Neske, 1973.

25. Подробнее о критике хабермасовской концепции жизненного мира см. в: Салин А. С. Анализ трансценденталистских оснований концепта жизненного мира Ю. Хабермаса // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 2. С. 19–34.



обходим следующий демарш: нужно, с одной стороны, сохранить хабермасовское представление о жизненном мире как перформативно предполагаемом практиками знания вне предпосылки о его феноменологическом конституировании сознающим субъектом, а с другой — признать за нечеловеческими сущностями активную роль в формировании жизненного мира.

В концепции жизненного мира настало время провести решительную эмансипацию: необходимо лишить интенциональность решающей роли в формировании дотеоретического интерсубъективного знания и одновременно дать вещам право на равных с людьми участвовать в этом формировании. Человеческое и нечеловеческое пора уравнивать в правах. История концепта жизненного мира представляет постепенное его расширение: сначала (у Гуссерля) он охватывает только конструкторы трансцендентальной интерсубъективности, затем (у Шюца) включает в себя культурные конструкторы, создаваемые социальными общностями, далее (у Хабермаса) уже те очевидности, которые возникают как элементы повседневных социальных практик, а после Айди постарался ввести в него технологически опосредованные восприятия. Каждый раз пропасть между миром и жизненным миром сокращалась все сильнее, каждый раз все большему числу элементов первого дозволялось участвовать в формировании второго. Очередная трансформация жизненного мира должна позволить вещам наравне с людьми участвовать в его формировании, закрывая наконец эту пропасть. Чтобы осуществить такую трансформацию, в следующем разделе данной статьи я предлагаю свою реконфигурацию хабермасовского концепта жизненного мира и связанной с ней концепции коммуникации.

## На пути к симметричному жизненному миру

### *Черные ящики*

Инструментарий философии позднего Витгенштейна позволил Хабермасу изъять из концепта жизненного мира предпосылку о необходимости феноменологической данности знания. Построение такой теории жизненного мира, которая уравнивала бы в правах человеческие и нечеловеческие сущности, требует нового инструментария. Чтобы возвести основания такой концепции, я возвращаюсь к инструментарию STS, значение которых для анализа влияния научно-технологических изменений на генезис жизненного мира я уже показал. Необходимый теоретический мате-

риал для новой трансформации концепта жизненного мира может быть позаимствован из акторно-сетевой теории (АСТ), которая, как и всякий подход, сложившийся в рамках STS, считает научное и технологическое знание разделяемым на практике социальным представлением и к тому же в качестве одного из ключевых лозунгов провозглашает необходимость использования одного и того же языка для описания человеко-человеческих и человеко-нечеловеческих взаимодействий<sup>26</sup>. Чтобы совершить переброску сил из АСТ в создаваемую мной концепцию симметричного жизненного мира, мне необходим некоторый пункт, точка перехода, которая позволит совершить этот марш-бросок, — это понятие черного ящика.

Черными ящиками в АСТ называют знание, разделяемое и не проблематизируемое учеными в их работе, элемент общего для ученых профессионального багажа, получаемого ими в ходе образования и работы в своей области; оно встроено<sup>27</sup> в техническое оснащение лабораторий, принцип работы которого молчаливо признается всеми работниками лаборатории и не ставится под вопрос. Черные ящики оказываются дважды важны для лабораторной жизни: во-первых, лаборатория стремится производить черные ящики; во-вторых, лаборатория не может делать этого, не опираясь на другие, уже устоявшиеся черные ящики, служащие основанием для коммуникации между учеными и для осмысленности их действий как таковых. Можно было бы сказать, что лаборатории живут черными ящиками. Так, о музыканте говорят, что он живет музыкой, как в том смысле, что он не может не сочинять ее, так и в том, что он не может ее не слушать. То, как лабораторная жизнь ученых основывается на черных ящиках, Бруно Латур и Стив Вулгар прекрасно показывают на следующем примере. Поскольку черные ящики выступают нерелефлексивными достоверностями, на основании которых ученые ведут дискуссию

26. Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 57–58.

27. Идея знания, встроенного в техническое оснащение, разделяется многими исследователями, работающими в этой области. Так, Аннмари Мол даже считает возможным применять глагол «знать» в отношении технического оснащения больниц (Мол А. Множественное тело. Онтология в медицинской практике. Пермь: Гиле Пресс, 2017. С. 88–89 (нижний текст)), а Джон Ло объединяет очевидные для ученых факты и используемую ими технику в одной категории — хинтерланде, — показывая тем самым внутреннюю связь между ними (Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара, 2015).

между собой и осуществляют свою работу, они редко сами выступают в качестве предмета дискуссии. Однако такое может происходить, если вдруг в лабораторию наведывается ученый из другой научной области. Латур и Вулгар как раз описывают такой случай: в лабораторию, постоянным обитателем которой является Х, наведывается У, который работает совершенно в другом месте.

... в ходе одной дискуссии Х неоднократно утверждал, что «в ходе грид-теста крысы ведут себя не так, как под нейролептиком». Для Х смысл аргумента был очевиден. Но для У, ученого, работающего в другой области, потребовалось задать предварительный вопрос: «Что вы имеете в виду под грид-тестом?» Несколько ошарашенный, Х остановился, посмотрел на У и заговорил тоном учителя, зачитывающего из пособия: «Классический каталептический тест — это тест с вертикальной сеткой. У вас есть проволоочная сетка. Сажаете животное на сетку. Крыса, которой вкололи нейролептик, так и останется на месте. А обычная — слезет вниз». <...> Для Х отсылка к пробе была утверждением... не требующим никаких пояснений. После заминки Х вновь заговорил с прежним воодушевлением и вернулся к исходному аргументу<sup>28</sup>.

В рассмотренном примере утверждается, что грид-тест (классический каталептический тест, в котором поведение крысы, получившей нейролептик, сравнивается с поведением крысы, нейролептика не получавшей, с помощью проволоочной сетки) является элементом повседневного знания ученых, а постоянное проведение таких тестов — повседневной рутинной практикой. Для ученых, населяющих данную лабораторию, это утверждение является черным ящиком, элементом парадигмы нейроэндокринологии. Если вдруг ученый в данной лаборатории не понимает смысл слова «грид-тест», это оказывается поводом для постановки вопроса о его профпригодности, а «настойчивое вопрошание новичка о „вещах, которые всем известны“»<sup>29</sup> с определенного момента начинает расцениваться как социально неприемлемое поведение. Если же вдруг несогласие с черным ящиком начнет выражать не человек, а объект исследования, сразу возникнет вопрос о правильности постановки эксперимента: если крыса, которой вкололи нейролептик, вдруг спустится вниз по проволоочной сетке, лаборанты начнут проверять, что за вещество действительно

28. Латур Б., Вулгар С. Антрополог посещает лабораторию // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 214.

29. Там же.

было введено крысе, не было ли ей введено случайно и другое вещество и т. д.

Таким образом, черные ящики являются некоторыми базовыми очевидностями, благодаря которым лабораторные практики и коммуникация между учеными имеют смысл. Без знания о том, что грид-тест служит для определения действия нейролептика, ученые не смогут интерпретировать полученные экспериментальные данные и не смогут даже начать обсуждать, какую интерпретацию признать, а какую — отбросить. Чтобы обсуждать нечто, истинность чего еще находится под вопросом, ученые вынуждены опираться на общее нерелексируемое знание, перформативно разделяемое ими на уровне практик, и лишь на фоне этого знания новые данные могут получить смысл. Тем самым мы получаем основание утверждать соизмеримость концепта черного ящика в АСТ с концептом жизненного мира у Хабермаса. Жизненный мир в концепции Хабермаса как раз является совокупностью тех разделяемых на практике очевидностей, которые должны разделять коммуницирующие для возможности ведения осмысленного диалога и достижения консенсуса. В случае коммуникации между учеными такими очевидностями как раз и являются описываемые Латуром и Вулгаром черные ящики. Однако формирование жизненного мира описывалось Хабермасом несимметрично, что привело к появлению ряда метафизических элементов в его концепции. Именно ради очищения хабермасовского концепта жизненного мира от этих предпосылок мы и стремимся по-новому описать процесс его формирования — в соответствии с тем, как в АСТ, в свою очередь, описывается формирование черных ящиков.

## Социология перевода

Для симметричного описания формирования черных ящиков в АСТ был сформирован специальный словарь — словарь перевода, позволяющий в одних и тех же терминах описывать технические и социальные аспекты решаемых учеными проблем, не проводя четкой границы между сущностями, мобилизуемыми для их решения<sup>30</sup>. Лапидарно перевод в АСТ можно определить как процесс, в ходе которого одни акторы определяют природу и способ действия других. При этом для АСТ важно, что в данном определении нет ссылки на природу акторов, участвующих

30. Каллон М. Указ. соч. С. 81–83.

в процессе перевода: они могут быть как человеческими, так и нечеловеческими. Словарь перевода показывает, что ученым и технологам для представления некоторого утверждения в качестве непреложного факта или черного ящика в равной мере приходится вести переговоры и с человеческими, и с нечеловеческими сущностями. Сопротивление и несогласие первых ни в коей мере нельзя считать более значительным, чем сопротивление и несогласие вторых.

Так, чтобы превратить в черный ящик свое высказывание «Гребешки вида *Pecten maximus* могут прикрепляться на стадии личинки к определенным материалам», которое было изначальной гипотезой троих французских океанологов из известного хрестоматийного кейса Каллона<sup>31</sup>, этим океанологам приходится сначала определять проблемы, стоящие не только перед рыбаками и своими коллегами, но и перед гребешками. Как заставить гребешков поддержать нас? Необходимо понять, чего они хотят и как можно, решая их проблемы, решить одновременно и нашу! Гребешки хотят выжить? Так мы предложим им развиваться на стадии личинок в контейнерах, где они будут спрятаны от течений и хищников, а сами сможем понять, прикрепляются они или нет!<sup>32</sup>

Однако на практике оказывается не так-то просто заинтересовать гребешков в том, чтобы они действительно прикрепились к специальным контейнерам. Если рыбаков, работающих в заливе Сен-Бриё, и ученых оказывается довольно просто заинтересовать в эксперименте океанологов (с первыми надо просто поговорить, а вторых упомянуть в своих текстах), то несогласие гребешков дает о себе знать куда более настойчиво: приходится долго и тщательно подбирать подходящий материал для контейнеров, правильно располагать их по отношению к морским течениям, выбирать глубину, на которой гребешки лучше всего прикрепляются, чтобы завербовать их и сделать частью своей маленькой человеческо-нечеловеческой армии. «Фактически трое исследователей будут вынуждены вести наиболее долгие и сложные переговоры именно с гребешками»<sup>33</sup>.

Этот термин, «переговоры», имеет долгую историю в социологии науки и технологий. В области исследований социально-

31. Там же.

32. Там же. С. 208–209.

33. Там же. С. 215.

го конструирования технологий<sup>34</sup> он обозначает процесс определения того, как будет выглядеть и работать новая технология в ходе взаимодействий инженеров с релевантными социальными группами — с теми, которым есть дело до того, как должна эта технология выглядеть и работать. К примеру, к возникновению современной формы велосипеда привели переговоры между инженерами, пожилыми людьми, женщинами и молодыми спортивными мужчинами. Современный велосипед представляет собой кристаллизацию консенсуса, достигнутого в ходе долгих переговоров между этими четырьмя группами и лишь после нескольких неудачных переходных форм<sup>35</sup>. В социологии научного знания<sup>36</sup> под переговорами понимаются интеракции между учеными, приводящие к консенсусу о природе конструируемого ими факта и о том, как должен выглядеть эксперимент, подтверждающий этот факт<sup>37</sup>. Каллон же расширяет значение этого термина. Если в социальном конструировании технологий и социологии научного знания он означал лишь взаимодействия людей относительно вещей, то здесь переговоры затрагивают и взаимодействия людей с вещами: на стадии вербовки ученые предлагают гребешкам определенные условия существования, гребешки отвечают отказом, тогда ученые решают предъявить им новые условия, которые оказываются более выгодными для гребешков, и они соглашаются принять ту роль, которую им готовят ученые. Консенсус достигается в переговорах между учеными и гребешками. Люди смогли понять, чего хотят нечеловеческие акторы, будучи внимательными к их сопротивлению<sup>38</sup>.

Подобные вещи происходят и в лаборатории Пастера, где он, уговаривая микробов перебраться с фермы в его лабораторию,

34. Для этого направления в западной литературе часто используется аббревиатура SCOT: *Social Construction Of Technology* (Pinch T. *The Social Construction of Technology: A Review* // *Technological Change: Methods and Themes in the History of Technology* / R. Fox (ed.). Amsterdam: Harwood Academic publishers, 1996).

35. Bijker W.E. Op. cit.

36. Это направление часто обозначается с помощью аббревиатуры SSK: *Sociology of Scientific Knowledge* (Латур Б. Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура // *Логос*. 2017. Т. 27. № 1. С. 135–160).

37. Collins H.M. *The Seven Sexes: A Study in the Sociology of a Phenomenon, or the Replication of Experiments in Physics* // *Sociology*. 1975. Vol. 9. № 2. P. 205–224.

38. Навреенко И. Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латтура // *Социология власти*. 2013. № 1–2. С. 85.

начинает переопределять их радикальным образом<sup>39</sup>. Ранее они были невидимы, их проявлению мешало огромное число прочих вещей. Здесь, в лаборатории, для них создаются такие условия, что их колония становится видимой, ощутимой<sup>40</sup>. И затем, создав для бактерий условия, более благоприятные, чем когда-либо в их истории, пастерианцы приписывают им новую роль: они обнаруживают, что, слегка ослабленные, бактерии не вызывают сибирскую язву, а вырабатывают у коров иммунитет против этого заболевания<sup>41</sup>.

Однако на стадии вербовки вакцина против сибирской язвы все еще не стала черным ящиком, а метод прикрепления гребешков, предложенный тремя учеными, не распространился на всем побережье Франции. Знание о том, что бактерии вызывают сибирскую язву, не стало разделяемой в научном сообществе и за его пределами очевидностью, а ученые, которые не проводили непосредственно эксперимент с *Pecten maximus*, до сих пор не узнали ничего нового о развитии этого вида на стадии личинки. Выведение нового знания из лаборатории за ее пределы предполагает новый этап перевода — мобилизацию<sup>42</sup>. Ученые наконец вводят в бой войска, завербованные в лабораторных условиях. Трое океанологов, собирая данные по количеству прикрепившихся гребешков, преобразуют их в таблицы и диаграммы, а проводя голосование среди рыбаков о том, согласны ли они использовать контейнеры, преобразуют данные сначала в бланки для голосования, а затем в делегатов, которые подтверждают согласие рыбаков на применение контейнеров. Согласие делегатов и данные по прикреплению гребешков вписываются в текст тезисов, с которыми трое ученых отправляются в Брест на съезд океанологов, чтобы поделиться своим успехом с коллегами. Ученые становятся представителями как рыбаков, так и гребешков.

Однако мобилизация не заканчивается написанием статьи, в которой ученые будут говорить от имени людей и не-людей. Чтобы открытый ими факт стал еще реальнее, они должны распространить его в пространстве и во времени: вакцина Пастера должна действовать не только в его лаборатории, но и на ферме, с которой он изначально забрал палочку сибирской язвы, а ли-

39. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: ЕУСПб, 2015. С. 121.

40. Там же. С. 130.

41. Там же. С. 132–133.

42. Каллон М. Указ. соч. С. 218–222.



чинки гребешков должны продолжать прикрепляться к контейнерам и после триумфального выступления троих ученых в Бресте. Однако, чтобы научные факты свободно распространялись по миру, сам мир должен быть изменен: в нем должны быть организованы сети, по которым факты смогут распространяться. Как любит повторять Латур, «научные факты подобны поездкам: они функционируют только на рельсах»<sup>43</sup>. А это означает, что распространение научного факта требует продолжения работы перевода: чтобы лаборатория могла выйти за пределы самой себя, мир должен быть превращен в лабораторию. Так, чтобы доказать ответственность своей вакцины за пределами своей лаборатории, Пастер тщательно подготавливает ферму, на которой будет проведен пробный эксперимент.

Совершенно невозможно показать обществу эффективность прививки, если не сделать ферму в определенной мере придатком лаборатории. Например, нужно отделить привитых животных от непривитых, отметить их дыркой в ухе, измерять у них каждый день температуру и записывать ее в журнал, стерилизовать шприцы, умножать контрольные группы. На обычной ферме такого не бывает<sup>44</sup>.

Ферма со всеми ее материальными составляющими переводится: переводятся коровы, переводятся гигиенические условия фермы. Но точно так же переводятся и люди, населяющие ферму: они становятся больше похожи на лабораторных ученых. Их необходимо обучить обращаться с вакцинами. Если они не будут строго следовать указаниям Пастера, то его прививка так и не покинет улицы Ульм, где она родилась, а существование микробов не станет интерсубъективно разделяемой достоверностью. Чтобы эти переводы и человеческих, и нечеловеческих акторов в лабораторную форму осуществились, пастерианцам приходится вести переговоры и с теми, и с другими<sup>45</sup>. Если в конечном итоге ученым удастся совершить все эти переводы, это будет означать (на языке АСТ), что они выстроили актер-сеть: они ввели нового актора в мир, например микроба, и заставили сеть из других акторов поддерживать его реальность<sup>46</sup>. Если какой-нибудь из элементов,

43. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // *Логос*. 2002. Т. 12. № 5/6. С. 226.

44. *Он же*. Пастер. С. 139.

45. Там же. С. 139–140.

46. *Он же*. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 252.



мобилизуемых для дальнейшего распространения черного ящика, выйдет из-под контроля и сорвет переговоры, отказавшись играть роль, которую отводят ему ученые, то утверждения ученых так и останутся лишь их утверждениями и не превратятся в черные ящики<sup>47</sup>. А срывать эти переговоры могут в равной степени как люди, так и не-люди<sup>48</sup>.

### *От посредников к проводникам: новая теория коммуникации*

Тот факт, что как люди, так и не-люди могут в равной мере быть акторами, более не позволяет использовать для их обозначения терминологию субъектно-объектного различия. Оно является в корне асимметричным, и на этой асимметрии выстраивается вся метафизика Нового времени<sup>49</sup>. Человек, которому выпадает доля стать субъектом, превращается в сущность, определяющую способности бытия всех остальных сущностей. Вещи, становясь объектами, превращаются лишь в материал для этого проецирования человека вовне самого себя. Смыслы, согласно которым интерпретируются объекты, порождаются субъектом, индивидуальным или групповым. В равной мере субъект оказывается обязан сам определять и смысл своего собственного бытия, вырываясь за пределы детерминированности своим окружающим миром. Именно этим субъектно-объектным различием вызваны основные проблемы концепции жизненного мира Юргена Хабермаса, подрывающие ее изнутри. И именно этих затруднений избегает АСТ, изымая это разделение из своего терминологического аппарата.

Вместо субъектно-объектной оппозиции АСТ вводит другую оппозицию: посредник/проводник. Посредником может быть любая сущность, которая способна вносить изменение в действие, которое осуществляется через нее.

Исходя из того, что имеется на входе посредника, никогда нельзя предвидеть, что будет на выходе; необходимо каждый раз учитывать специфику посредника. Посредники преобразуют, переводят, искажают и изменяют передаваемые ими значения или их элементы<sup>50</sup>.

47. Он же. Пастер. С. 143–144.

48. Каллон М. Указ. соч. С. 223–225.

49. Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие: Статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007.

50. Латур Б. Пересборка социального. С. 58.

В соответствии с этим определением именно посредники могут быть названы акторами. Однако АСТ не утверждает, что абсолютно все является посредником. Если телезритель берет в руки пульт от телевизора и включает его, нажимая на кнопку «вкл./выкл.», то пульт никак не является посредником, он просто проводит действие человека, включающего телевизор. Такие элементы в АСТ называют проводниками. Они никак не изменяют действие, осуществляемое с их помощью, поэтому не являются акторами. «„Проводник“ (*intermediary*) — это то, что переносит (*transport*) значение или силу, не преобразуя их: определения его входов достаточно для определения его выходов»<sup>51</sup>. Так, к примеру, до того, как существование сибироязвенной бациллы не станет черным ящиком, так и не будет точно определена ее форма, она всегда может внезапно повести себя по-другому и предать Пастера. В его лаборатории, где вдруг обнаруживается способность ослабленной формы бациллы сибирской язвы создавать иммунитет против этой болезни, микробы все еще остаются посредниками. Но когда методы пастерианцев выходят за пределы лаборатории и принимаются хирургами, терапевтами, французскими политиками, форма и свойства бактерий становятся черными ящиками и все эти группы могут использовать их в соответствии со своими интересами, не боясь, что микробы предадут их и прививки вдруг вызовут эпидемию. Микробы становятся проводниками.

Различие проводников и посредников избегает асимметрии субъектно-объектного различия по двум причинам. Во-первых, как посредником, так и проводником может оказаться и человеческая, и нечеловеческая сущность. К примеру, в случае, рассмотренном Каллоном, на стадии вербовки именно гребешки представляли собой ту силу, с которой постоянно приходилось вести переговоры ученым, тогда как рыбаки с самого начала были готовы следовать за ними. Проводниками всегда могут оказаться люди, а посредниками — не-люди, и, как утверждает Латур, именно это часто и происходит в реальной практике социальных и естественных наук. Люди порой легче поддаются увещанию ученых, чем вещи<sup>52</sup>. Во-вторых, нет никакой гарантии, что проводник в любой момент не превратится в посредника, полностью видоизменив соотношение сил. Так, гребешки и рыбаки, казалось бы, уже были

51. Там же.

52. Он же. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей: Сб. ст. / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 353–354.

полностью превращены учеными в послушных проводников, как вдруг они спутывают все карты и предают своих представителей, вновь оказываясь посредниками. Если наш потенциальный телезритель вдруг прольет кофе на свой телевизионный пульт, последний может начать функционировать совершенно непредсказуемым образом и вновь стать посредником. Для его починки потребуется вновь проблематизировать принцип его работы, превратив его из черного ящика в предмет обсуждения, а затем вновь провести массу переговоров с физическими силами, составляющими эту машину, заставив их работать, как прежде. Таким образом, граница между посредниками и проводниками не является такой жесткой и непроницаемой, как граница между субъектами и объектами. Эта граница также является не онтологической, а динамической, то есть определяется не природой разделяемых элементов, а исключительно их силой изменять, переводить, увлечь действия других элементов.

Таким образом, переинтерпретация хабермасовского концепта очевидностей, составляющих жизненный мир, в терминологии черных ящиков, позаимствованной из АСТ, приводит к отказу от различия между субъектами и объектами и введению различия между посредниками и проводниками. Но тогда и хабермасовское деление действий на целеориентированные действия и речевые акты должно быть видоизменено соответствующим образом. Если не-люди могут быть актерами, то вообще исчезает смысл проводить различие между целеориентированным действием, с одной стороны, и коммуникативным и стратегическим действиями — с другой. Не-люди могут быть такими же активными, как и люди, они также могут участвовать в производстве консенсуса, поэтому загонять их в четко ограниченную секцию целеориентированных действий, где они всегда играют роль лишь послушного средства, в корне неверно. Вещи проникают в область коммуникативных действий, оставляя пустым регион целеориентированных действий. Однако этот шаг равным образом ставит под вопрос необходимость объединять коммуникативные и стратегические действия в класс речевых актов. Само стремление Хабермаса ограничить коммуникацию формой речи обусловлено метафизическим представлением о голосе как о последней инстанции, где могут возникать смыслы<sup>53</sup>. В лаборатории имеет место не толь-

53. Деррида Ж. Голос и феномен // Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / Пер. с фр. С. Г. Кашиной, Н. В. Сулова. СПб.: Алетейя, 1999; Он же. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.

ко языковая коммуникация между учеными, здесь задействуются огромные массы нечеловеческих акторов.

Таким образом, переинтерпретация теории действий Хабермаса в соответствии с требованиями АСТ требует исключить из нее вовсе класс целенаправленных действий и лишить коммуникативное и стратегическое действия статуса речевого акта. Все действия превращаются либо в стратегические, либо в коммуникативные. Под *коммуникативными действиями* тогда будут пониматься *действия, направленные на то, чтобы посредством переговоров с гетерогенными акторами превратить свои утверждения в непроблематизируемые элементы жизненного мира — черные ящики*, — достигнув тем самым консенсуса относительно устройства мира. Под *стратегическими же действиями* будут пониматься *действия, в которых элементы, уже превращенные в проводников на стадии коммуникации, используются как черные ящики для достижения определенных целей*.

В силу этих изменений теория коммуникативного действия начинает удовлетворять требованиям симметрии. Перевод микробов в лабораторию Пастера на улице Ульм оказывается такой же коммуникацией, как и убеждение гигиенистов в эффективности пастерианства, так как оба этих процесса имеют своей целью распространение за пределы лаборатории утверждения о том, что болезни вызываются микробами, то есть выстраивания интерсубъективного консенсуса относительно того, что такое болезнь и чем она вызывается. В то же время оба процесса предполагают изначальную проблематизацию того, что представляют собой обе силы как таковые, а затем — переговоры, чтобы способ заинтересовать их, выбранный ученым, смог сработать. Это означает, что в обоих случаях ученые вынуждены учитывать интересы других элементов (неважно, человеческие они или нет), чтобы выстроить новые черные ящики. Хабермас же представлял себе взаимодействия людей с не-людьми единственно в терминах достижения целей, но не достижения консенсуса. Здесь же мы видим, что коммуникация, стремящаяся к консенсусу, имеет место и в человеческо-нечеловеческих взаимодействиях. Пока ученые не превратили свои утверждения в черные ящики, с нечеловеческими акторами идет коммуникация, как и с человеческими. Вещи могут стабилизироваться и стать *всего лишь* вещами, с которыми можно обращаться как со средствами, только на следующем этапе, когда они превратятся в черные ящики. Тогда прививки станут всего лишь средствами биополитики, работающими как проводники. Тогда речь будет идти уже о стратегических действиях. Важно, что и те

и другие действия, и коммуникативные, и стратегические, теперь можно совершать как над людьми, так и над не-людьми, так как и те и другие могут быть как проводниками, так и посредниками.

Это изменение хабермасовской теории действия приводит к нескольким серьезным последствиям. Оно позволяет избежать тех затруднений, что возникали в хабермасовской концепции жизненного мира. Во-первых, асимметрия между речевыми и целенаправленными действиями приводила к необходимости рассматривать человеческо-нечеловеческие взаимодействия только на фоне человеческо-человеческих. Это приводило к тому, что все составляющие жизненного мира должны были отсылать к некоторому коммуникативному сообществу, существовавшему до реального материального мира и делавшему возможным всякое целенаправленное действие в этом мире. Но всякая реальная человеческо-человеческая коммуникация (теперь мы всегда должны уточнять, о коммуникации между кем/чем и чем/кем идет речь) всегда происходит на фоне огромного числа материальных элементов, которые делают ее возможной<sup>54</sup>. Единственным выходом из этого противоречия оказывается необходимость допущения чистой трансцендентальной интерсубъективности. Но от этого решения Хабермас должен отказаться, если он действительно стремится выстроить постметафизическую философию. Если же теперь, после исчезновения категории целенаправленных действий, сохраняется только граница между коммуникативным и стратегическим действиями, то эта проблема отпадает сама собой. У всякого черного ящика находится свой исток в коммуникативном действии, но, поскольку это действие не проводит онтологических делений на субъективное и объективное, мы можем в равной мере утверждать активность как людей, так и не-людей в формировании жизненного мира.

Во-вторых, для возможности осуществления коммуникативного действия, по Хабермасу, коммуницирующие должны были всегда разделять идею чистого трансцендентального сообщества, иначе ни один реальный акт коммуникации не состоялся бы, так как все коммуницирующие стремились бы лишь к удовлетворению своих интересов, но не к консенсусу на основании учета чужих интересов. Трансцендентализм идеи чистого коммуникативного сообщества нарушает требование самого Хабермаса располагать всякую рациональность внутри конкретных жизненных миров, всегда производимых в конкретных исторических услови-

54. Латур Б. Пересборка социального. С. 272–274.

ях. Идея коммуникативного сообщества и интерсубъективности как корня объективности, как показывает сам Хабермас, рождается в условиях европейского модерна<sup>55</sup>. Универсализация идеи чистого коммуникативного сообщества, таким образом, с одной стороны, противоречит требованию Хабермаса о ситуационировании разума в конкретных жизненных мирах, а с другой — выдает европоцентризм его концепции, который иногда проявляется в его работах почти неприкрыто<sup>56</sup>. При переинтерпретации коммуникативного и стратегического действий с помощью средств АСТ мы получаем возможность отказаться от идеи чистого коммуникативного сообщества, так как теперь для осуществления коммуникативного действия не требуется никакого долженствования согласно неким трансцендентальным идеям. Теперь речь идет о том, что всякий актер вынужден вступать в коммуникацию с другими, если он хочет произвести некоторый черный ящик, достигнуть консенсуса, а затем создать условия для стратегических действий. Здесь речь идет уже не о практическом долженствовании, но о теоретической необходимости. Если трое ученых из кейса Каллона хотят распространить свое утверждение о том, что *Pecten taxitis* прикрепляются, они *вынуждены* вступать с ними в коммуникацию, а не *должны* делать это согласно некоторому категорическому императиву.

В-третьих, такая переинтерпретация коммуникативного и стратегического действий позволяет в позитивном смысле упростить хабермасовскую концепцию коммуникации. Различие между целенаправленными действиями и речевыми актами порождало различие и между коммуникацией и ее контекстом, состоящим из материальных и социальных условий, в которых в своей обыденной жизни живут коммуницирующие. Именно в соответствии с идеей чистого коммуникативного сообщества они должны брать в скобки весь этот социально-материальный фон и стремиться достичь чисто рационального консенсуса в момент коммуникации<sup>57</sup>. Тем не менее, как признает и сам Хабермас, никакого чи-

55. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне.

56. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1982. Т. I. Р. 107–108.

57. Ibid. Р. 47–48. Процедура заключения в скобки всего социально-материального фона коммуникации в полной мере наследует трансцендентализм заключения в скобки мира естественной установки в феноменологии Гуссерля. У Гуссерля процесс перехода из мира естественной установки в мир феноменологической предполагал то, что все акты сознания редуцируются к их смысловому составу. Тем самым, к примеру, вместо

сто рационального консенсуса в реальной жизни достичь невозможно, поэтому ситуация такого консенсуса и является только идеалом, которым руководствуются коммуницирующие в процессе коммуникации. При реальной же коммуникации ее социально-материальный фон оказывает на нее решающее влияние: порядки дискурса<sup>58</sup> определяют, чьи аргументы имеют больший вес, по каким правилам должны быть составлены аргументы, чтобы иметь больший вес, и т.д. И именно здесь в концепции Хабермаса возникает трудность: как описать влияние элементов фона коммуникации на нее саму? Для этого ему приходится вводить две разные схемы описания: одну — для производства консенсуса в рамках коммуникативного действия, другую — для влияния социально-материального фона коммуникации на форму этого консенсуса. Только для первого случая может быть использована схема коммуникативного действия, а второй случай требует анализа условий производства этих текстов и поэтому использует методы критики идеологии, возникшие в марксистских и психоаналитических подходах<sup>59</sup>.

Если же изменить теорию действия с помощью репертуара АСТ, то как контекст коммуникации, так и ее фон может быть описан в одних и тех же терминах, поскольку граница между коммуникативным и стратегическим действиями перестает быть непроницаемой. Все стратегические действия оказываются производными от коммуникативных, потому что все проводники возникают только как результат сборки разнородных акторов в машины, работающие согласно точно определенному принципу. Поэтому фон коммуникации может быть рассмотрен как определенный этап предшествовавших коммуникативных актов и при необходимости реконструирован в тех же терминах, в которых описывается

того, чтобы видеть яблоко, думать о нем и т.д., мы эксплицируем смысл того, что значит «яблоко», «видеть», «думать о» и т.п. У Хабермаса же переход к коммуникативному действию также предполагает, что мы заключаем в скобки все наши взаимодействия с предметами опыта и другими людьми и обсуждаем, каковы предметы нашего опыта, что из себя представляет наш опыт, чего хотят другие люди и т.д. Фактически разница заключается лишь в том, что у Гуссерля реальный мир в скобки берет одинокое трансцендентальное эго, а у Хабермаса — реальное коммуникативное сообщество, правда всегда вооруженное трансцендентальной идеей чистой коммуникации.

58. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.

59. *Habermas J. Der Universalitätsanspruch der Hermeneutik* // Apel K.-O. et al. *Hermeneutik und Ideologiekritik*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1971.



и сам процесс коммуникации. К примеру, черные ящики, которыми руководствуются ученые при создании новых черных ящиков, могут быть в любой момент проблематизированы и представлены как результат переводов, ранее произведенных другими учеными. По аналогии с этим Латур запрещает в социологических исследованиях ссылаться на некоторый абсолютный контекст, исходя из которого может быть объяснен результат взаимодействия акторов. Вместо этого всякий контекст, в котором акторы ведут переговоры, должен быть сам вписан в текст и проанализирован как результат интеракций, ранее имевших место<sup>60</sup>.

## Заключение

Жизненный мир долгое время связывали с интерсубъективностью. Трансцендентальная интерсубъективность у Гуссерля, социальная общность у Шюца, коммуникативное сообщество у Хабермаса — долгое время именно им отдавалась главенствующая роль в формировании общего, разделяемого интерсубъективно знания. Новая теория коммуникации позволяет сделать жизненный мир не интерсубъективным, а интерактивным. Мы больше не можем считать коммуникацию исключительно человеческим общением. Коммуникативное действие — действие, в котором различные сущности, человеческие или нечеловеческие, трансформируют жизненный мир. Ученые, технологи и политики переводят людей, технологии, вещества и организмы в новые места, новые формы взаимодействия, формируя черные ящики — перформативно принимаемое нами знание. Вещи противятся им, отказываются входить в эти союзы, навязывают порой свои формы жизненного мира, нарушая уже начинавший выстраиваться консенсус. Лишь затем, вторым шагом, вещи могут превратиться в простых проводников и стать уже вещами, склонными делать то, что от них хотят люди. В равной степени такими проводниками могут оказаться и люди, подверженные контролю, дисциплине и муштре. Только тогда на сцену выходит стратегическое действие — действие, направляемое на достижение определенных целей уже в рамках существующего, устоявшегося жизненного мира. Таким образом, только из столкновений всех этих гетерогенных сил и их диссонанса могут возникать некоторые устойчивые формы взаимодействий между акторами, для описания ко-

60. Latour B. A Relativistic Account of Einstein's Relativity // Social Studies of Science. 1988. Vol. 18. № 1. P. 3–44.

торых классические термины «субъект» и «объект» оказываются теперь слишком бедными. Именно поэтому мы предпочитаем говорить об интерактивности: данный термин уравнивает в статусе элементы взаимодействия<sup>61</sup>.

Другая причина, по которой мы предпочитаем говорить об интерактивности, в том, что этот термин может позволить с легкостью использовать наш концепт жизненного мира в изучении взаимодействий человека и компьютера, видеоигр и цифровой культуры в целом. Многие исследователи уже используют инструмент АСТ для работы в этих областях<sup>62</sup>. Дальнейший ход наших исследований предполагает использование созданной нами концепции жизненного мира за пределами контекста науки и технологий, в котором изначально возникла АСТ. Как показать эту человеческо-нечеловеческую коммуникацию в сфере, например, религиозных практик, направленных не на распространение знания, а на распространение благодати? Ведь и в данном контексте мы видим огромное число материальных опосредований человеческих действий. Последние исследования из области АСТ движутся именно в этом направлении<sup>63</sup>.

Также встает вопрос и о случаях столкновений разных жизненных миров друг с другом. Как возможна в таком случае коммуникация? Этим вопросом занимается направление, возникшее на основании АСТ, которое иногда называют пост-АСТ. Так, работа «После метода» Джона Ло посвящена именно возможности пересечения различных хинтерландов, или — в нашей терминологии — жизненных миров, сформированных разными черными ящиками, в упорядочивании одних и тех же практик<sup>64</sup>. Исследование атеросклероза нижних конечностей, проведенное Аннмари Мол, также касается проблемы сосуществования в пространстве

61. Используемый в аналогичном контексте Латуром термин «интеробъективность» (*Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей*) может вызвать недоразумение, что помимо и в отрыве от интеробъективности должна существовать еще и некая интерсубъективность, что, конечно, противоречит самой интенции АСТ.

62. *Богост Я.* Бардак в видеоиграх // *Логос*. 2015. Т. 25. № 1. С. 79–99; *Millington B.* Wii Has Never Been Modern: 'Active' Video Games and the 'Conduct of Conduct' // *New Media & Society*. 2009. Vol. 11. № 4. P. 621–640; *Simon B.* Human, All Too Non-Human: Coop AI and the Conversation of Action // *Proceedings of the 2007 DiGRA International Conference: Situated Play*. The University of Tokyo, September, 2007. Vol. 4. P. 165–169.

63. *Latour B.* An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns / C. Porter (trans.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013.

64. *Ло Дж.* Указ. соч.

одной больницы разных способов обращения с атеросклерозом, каждый из которых предполагает свое собственное перформативно разделяемое знание о том, что такое атеросклероз и как его лечить<sup>65</sup>. Данная проблематика предполагает изобретение иных метафор, нежели «актор-сети» и «черные ящики»: такими метафорами оказываются текучесть и фрактальность. В этом случае мы имеем дело с иными формами коммуникации. Они не стремятся выстроить долговременный консенсус, воплощая его в сложных машинах и распространяя его с помощью стабилизации сетей. Такие консенсусы всегда оказываются ситуативными и изменчивыми.

Выстраиваемая нами новая теория коммуникации и жизненного мира предполагает разрыв с давней нововременной идеей особого достоинства человека, способного, в отличие от всех остальных видов сущего, самостоятельно определять свою судьбу. Наши базовые предпосылки, на основании которых мы вообще можем начать хоть что-то менять, свою судьбу или чужую, формируются в ходе наших взаимодействий с другими окружающими сущностями, которые часто не слушаются нас и изменяют нас самих. Точно так же и нечеловеческий мир вокруг нас оказывается куда более неопределенным и изменчивым, чем нам до сих пор казалось. Настало время перестать бояться вторжения нечеловеческого в наши жизненные миры: они никогда не принадлежали нам одним.

### Библиография

- Блур Д. Витгенштейн как консервативный мыслитель // Логос. 2002. Т. 12. № 5/6. С. 47–64.
- Богост Я. Бардак в видеоиграх // Логос. 2015. Т. 25. № 1. С. 79–99.
- Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. С. 321–407.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. С. 75–320.
- Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб.: ЕУСПб, 2008.
- Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира: птолемеевой и коперниковой. М.; Л.: Гостехиздат, 1948.
- Гримм Я., Гримм В. К. Храбрый портной // Сказки зарубежных писателей. М.: Правда, 1986.
- Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010.
- Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.
- Данте Алигери. Божественная комедия // Божественная комедия. Новая жизнь. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2016.

65. Mol A. Op. cit.

- Деррида Ж. Голос и феномен // Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: Алетейя, 1999.
- Деррида Ж. О грамматики. М.: Ad Marginem, 2000.
- Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: НЛО, 2012.
- Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 49–94.
- Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. Т. 12. № 5/6. С. 211–242.
- Латур Б. Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура // Логос. 2017. Т. 27. № 1. С. 135–160.
- Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 342–365.
- Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 169–198.
- Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: ЕУСПб, 2015.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- Латур Б., Вулгар С. Антрополог посещает лабораторию // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 178–234.
- Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Мол А. Множественное тело. Онтология в медицинской практике. Пермь: Гиле Пресс, 2017.
- Напреенко И. Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 75–98.
- Салин А. С. Анализ трансценденталистских оснований концепта жизненного мира Ю. Хабермаса // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 2. С. 19–34.
- Столярова О. Жизненный мир и базовые онтологические допущения: проблема генезиса // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира. М.: Дело, 2012. С. 113–134.
- Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007.
- Фуко М. Порядок дискурса // Он же. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 47–96.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001.
- Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. М.: Идея-Пресс, 2011.
- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003.
- Хайдеггер М. Время картины мира // Он же. Время и бытие: Статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 41–63.
- Шюц А. Феноменология и социальные науки // Избр.: Мир, светящийся смыслом. М.: Росспэн, 2004. С. 196–199.
- Bijker W.E. Of Bicycles, Bake Lites, and Bulbs: Toward a Theory of Sociotechnical Change. Cambridge, MA; L.: The MIT Press, 1995.
- Bloor D. Wittgenstein: A Social Theory of Knowledge. L.: Macmillan, 1983.

- Collins H. M. The Seven Sexes: A Study in the Sociology of a Phenomenon, or the Replication of Experiments in Physics // *Sociology*. 1975. Vol. 9. № 2. P. 205–224.
- Habermas J. Der Universalitätsanspruch der Hermeneutik // Apel K.-O. et al. *Hermeneutik und Ideologiekritik*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1971. S. 120–159.
- Habermas J. *Nachmetaphysisches Denken: philosophische Aufsätze*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1992.
- Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1982. Bd. I.
- Habermas J. Wahrheitstheorien // *Wirklichkeit und Reflexion*. Walter Schulz zum 60. Geburtstag / H. Fahrenbach (Hg.). Pfullingen: Günther Neske, 1973.
- Ihde D. *Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1990.
- Latour B. A Relativistic Account of Einstein's Relativity // *Social Studies of Science*. 1988. Vol. 18. № 1. P. 3–44.
- Latour B. *An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013.
- Millington B. Wii Has Never Been Modern: "Active" Video Games and the "Conduct of Conduct" // *New Media & Society*. 2009. Vol. 11. № 4. P. 621–640.
- Pinch T. The Social Construction of Technology: A Review // Fox R. *Technological Change: Methods and Themes in the History of Technology*. Amsterdam: Harwood Academic publishers, 1996. P. 17–26.
- Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the Air-pump: Hobbes, Boyle and the Experimental Life*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985.
- Simon B. Human, All Too Non-Human: Coop AI and the Conversation of Action // *Proceedings of the 2007 DiGRA International Conference: Situated Play*. The University of Tokyo, September, 2007. Vol. 4. P. 165–169.

## HOW TO PACK THE *LEBENSWELT* INTO A BLACK BOX: ASSEMBLY INSTRUCTIONS

ALEXEY SALIN. Tutor, Department of Philosophy for Natural Science Faculties,  
Faculty of Philosophy, alexsalin22@gmail.com.

Lomonosov Moscow State University (MSU), 27 Lomonosovsky ave., Bldg 4,  
GSP-1, 119991 Moscow, Russia.

**Keywords:** life-world; *Lebenswelt*; “black box”; communication; phenomenology;  
science and technology studies (STS); actor-network theory (ANT).

This paper proposes a way to de-transcendentalize the concept of the life-world (*Lebenswelt*), which is a phenomenological term for basic, pre-theoretical, intersubjective knowledge. The aim is to arrive at a conception that shows the decisive influence of the material background over the life-world. A critical examination of Don Ihde's phenomenology indicates that the method of phenomenological reflection does not capture the influence of technologies in shaping the life-world and is restricted to the final stages of that shaping. The tools of science and technology studies (STS) are needed for de-transcendentalizing the concept of the life-world. Jurgen Habermas's concept of the life-world is best suited to this task because it is quite consistent with the methodological requirements of STS and is least burdened by its phenomenological heritage. Nevertheless, some transcendentalist presuppositions are retained in the Habermas concept. These presuppositions are connected with the distinction between goal-oriented actions and communicative and strategic ones. Actor-network theory (ANT) methodology permits a reformulation of that distinction. First, the paper shows the similarity of ANT's notion of the black box to Habermas's concept of the life-world. Second, this paper formulates a conception for shaping the life-world which is consistent with ANT's methodological requirements. Negotiation, which denotes the process of forming a black box by reducing the heterogeneity of multiple actors to one simple device or statement, is the key concept. In this way, the paper constructs a new theory of communication and the life-world free from the transcendentalist presuppositions that have undermined every concept of the life-world from Husserl to Habermas.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-5-137-164

### References

- Bijker W.E. *Of Bicycles, Bake Lites, and Bulbs: Toward a Theory of Sociotechnical Change*, Cambridge, MA, London, The MIT Press, 1995.
- Bloor D. Vitgenshtein kak konservativnyi myslitel' [Wittgenstein as a Conservative Thinker]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2002, vol. 12, no. 5/6, pp. 47–64.
- Bloor D. *Wittgenstein: A Social Theory of Knowledge*, London, Macmillan, 1983.
- Bogost I. Bardak v videoigrakh [Videogames are a Mess]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2015, vol. 25, no. 1, pp. 79–99.
- Callon M. Nekotorye elementy sotsiologii perevoda: priruchenie morskich grebeshkov i rybolovov bukhty Sen-Brie [Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2017, vol. 27, no. 2, pp. 49–94.

- Collins H. M. The Seven Sexes: A Study in the Sociology of a Phenomenon, or the Replication of Experiments in Physics. *Sociology*, 1975, vol. 9, no. 2, pp. 205–224.
- Dante Alighieri. Bozhestvennaia komediia [La Divina Commedia]. *Bozhestvennaia komediia. Novaia zhizn'* [La Divina Commedia. La Vita Nuova], Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus, 2016.
- Derrida J. Golos i fenomen [La voix et le phénomène]. *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka Gusserlia* ["La voix et le phénomène" and Other Works on Husserl's Theory of Sign], Saint Petersburg, Aleteia, 1999.
- Derrida J. *O grammatologii* [De la grammatologie], Moscow, Ad Marginem, 2000.
- Descola Ph. *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Par-delà nature et culture], Moscow, New Literary Observer, 2012.
- Feyerabend P. *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniia* [Against Method: Outline of an Anarchist Theory of Knowledge], Moscow, AST, 2007.
- Foucault M. Poriadok diskursa [L'ordre du discours]. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works of Various Years], Moscow, Kastal', 1996, pp. 47–96.
- Galilei G. *Dialog o dvukh glavneishikh sistemakh mira: ptolemeevoi i kopernikovoi* [Dialogo sopra i due massimi sistemi del mondo], Moscow, Leningrad, Gos-tekhizdat, 1948.
- Grimm J., Grimm W. K. *Khrabryi portnoi. Skazki zarubezhnykh pisatelei* [Das tapfere Schneiderlein. Tales of Foreign Authors], Moscow, Pravda, 1986.
- Habermas J. Der Universalitätsanspruch der Hermeneutik. In: Apel K.-O. et al. *Hermeneutik und Ideologiekritik*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1971, S. 120–159.
- Habermas J. *Filosofskii diskurs o moderne* [Der philosophische Diskurs der Moderne], Moscow, Ves' Mir, 2003.
- Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln], Saint Petersburg, Nauka, 2001.
- Habermas J. *Nachmetaphysisches Denken: philosophische Aufsätze*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1992.
- Habermas J. *Ot kartin mira k zhiznennomu miru* [Von den Weltbildern zur Lebenswelt], Moscow, Ideia-Press, 2011.
- Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1982, Bd. I.
- Habermas J. Wahrheitstheorien. *Wirklichkeit und Reflexion. Walter Schulz zum 60. Geburtstag* (Hg. H. Fahrenbach), Pfullingen, Günther Neske, 1973.
- Heidegger M. *Vremia kartiny mira* [Die Zeit des Weltbildes]. *Vremia i bytie: Stat'i i vystupleniia* [Zeit und Sein: Articles and Speeches], Saint Petersburg, Nauka, 2007, pp. 41–63.
- Husserl E. *Kartezianske meditatsii* [Cartesianische Meditationen], Moscow, Akademicheskii proekt, 2010.
- Husserl E. *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naia fenomenologiya* [Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2004.
- Ihde D. *Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth*, Bloomington, Indianapolis, Indiana University Press, 1990.
- Latour B. A Relativistic Account of Einstein's Relativity. *Social Studies of Science*, 1988, vol. 18, no. 1, pp. 3–44.



- Latour B. *An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2013.
- Latour B. Daite mne laboratoriiu, i ia perevernu mir [Give Me a Laboratory and I will Raise the World]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2002, vol. 12, no. 5/6, pp. 211–242.
- Latour B. Devidu Bluru... i ne tol'ko: otvet na "Anti-Latur" Devida Blura [For David Bloor... and Beyond: A Reply to David Bloor's "Anti-Latour"]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2017, vol. 27, no. 1, pp. 135–160.
- Latour B. Kogda veshchi daiut otpor: vozmozhnyi vklad "issledovaniia nauki" v obshchestvennyie nauki [When Things Strike Back a Possible Contribution of Science Studies to the Social Sciences]. *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of Things] (ed. V. Vakhshain), Moscow, Territoriya budushchego, 2006, pp. 342–365.
- Latour B. Ob interob'ektivnosti [On Interobjectivity]. *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of Things] (ed. V. Vakhshain), Moscow, Territoriya budushchego, 2006, pp. 169–198.
- Latour B. *Paster: Voyna i mir mikrobov, s prilozheniem "Nesvodimogo"* [Les Microbes: guerre et paix], Saint Petersburg, European University at St Petersburg, 2015.
- Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory], Moscow, HSE, 2014.
- Latour B., Woolgar S. Antropolog poseshchaet laboratoriiu [An Anthropologist Visits the Laboratory]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2012, no. 6–7, pp. 178–234.
- Law J. *Posle metoda: besporiadok i sotsial'naya nauka* [After Method: Mess in Social Science Research], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2015.
- Millington B. Wii Has Never Been Modern: 'Active' Video Games and the 'Conduct of Conduct'. *New Media & Society*, 2009, vol. 11, no. 4, pp. 621–640.
- Mol A. *Mnozhestvennoe telo. Ontologiya v meditsinskoj praktike* [The Body Multiple: Ontology in Medical Practice], Perm, Hyle Press, 2017.
- Napreenko I. Semioticheskii povorot v STS: teoriya referenta Bruno Latoura [Semiotic Turn in STS: Bruno Latour's theory of referent]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2013, no. 1–2, pp. 75–98.
- Pinch T. The Social Construction of Technology: A Review. *Technological Change: Methods and Themes in the History of Technology* (ed. R. Fox), Amsterdam, Harwood Academic publishers, 1996, pp. 17–26.
- Salin A. S. Analiz transsentsientalisticheskikh osnovanii kontsepta zhiznennogo mira Iu. Khabermasa [Analyzing Transcendental Grounds of Jürgen Habermas' Notion of Lifeworld]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Herald. Series 7: Philosophy], 2015, no. 2, pp. 19–34.
- Schütz A. *Fenomenologiya i sotsial'nye nauki* [Phenomenology and Social Sciences]. *Izbr.: Mir, svetiashchiisya smyslom* [Selected Works. World Shining with Sense], Moscow, Rosspen, 2004, pp. 196–199.
- Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the Air-pump: Hobbes, Boyle and the Experimental Life*, Princeton, NJ, Princeton University Press, 1985.
- Simon B. Human, All Too Non-Human: Coop AI and the Conversation of Action. *Proceedings of the 2007 DiGRA International Conference: Situated Play. The University of Tokyo*, September, 2007, vol. 4, pp. 165–169.
- Stoliarova O. Zhiznennyi mir i bazovye ontologicheskie dopushcheniya: problema genezisa [Lifeworld and Basic Ontological Assumptions: Problem of Gen-

- esis]. *Ontologii artefaktov: vzaimodeistvie "estestvennykh" i "iskusstvennykh" komponentov zhiznennogo mira* [Ontologies of Artifacts: Interrelations between "Natural" and "Artificial" Components of the Lifeworld], Moscow, Delo, 2012, pp. 113–134.
- Volkov V., Kharkhordin O. *Teoriia praktik* [Theory of Practices], Saint Petersburg, European University at St. Petersburg, 2008.
- Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniia* [Philosophische Untersuchungen]. *Filosofskie raboty. Ch. I* [Philosophical Works. Pt. 1], Moscow, Gnozis, 1994, pp. 75–320.
- Wittgenstein L. O dostovernosti [Über Gewißheit]. *Filosofskie raboty. Ch. I* [Philosophical Works. Pt. 1], Moscow, Gnozis, 1994, pp. 321–407.